

... и «внешне выраженные» формы: от кафедральных соборов до «философских обителей».

Под определением «внешне выраженные» мы понимаем произведения больших форм, доступные взорам не только знатоков, понимавших их алхимический смысл, но и людей, совершенно чуждых искусству Гермеса.

Прежде всего следовало бы задаться (по ассоциации с названием известной книги современного алхимика) вопросом: действительно ли существовала «тайна кафедральных соборов»[70]? Иными словами, удавалось ли алхимикам помещать в большие культовые сооружения периода Средних веков - а точнее говоря, в эпоху готики - произведения искусства (витражи, скульптуры), которые бы заключали в себе, помимо своего открытого, понятного всем значения, еще и некий потаенный смысл, непосредственно связанный с тайнами алхимии?

И по сей день еще в ходу множество фантастических преданий. Так, уверяют, что в некоторых кафедральных соборах (Шартра, Родеза и некоторых других городов) солнечные лучи в день летнего солнцестояния, проходя через крошечное отверстие, проделанное в витраже, падают точно на то место (на плитке пола или на колонне), где устроен тайник, в котором лежит изрядное количество порошка проекции. В этом также выражается характерная для традиционной алхимии аналогия между триумфальным завершением Великого металлического Делания и славным апогеем солнца во время его периодического триумфа в круговороте смены времен года.

Существует также - но тут мы, правда, становимся на более реальную почву - проблема красных витражей (например, в Шартрском кафедральном соборе), секрет изготовления которых утрачен, и современные мастера не могут его найти. Бесспорно лишь то, что упомянутый витраж обязан своим особым цветом одному из компонентов - Кассиеву пурпуру, одним из элементов которого является золото, поэтому вполне возможно, что средневековые стеклоделы использовали способ изготовления, позаимствованный у некоего безвестного алхимика.

Более того, в глазах историка не кажется абсурдной возможность существования прямых контактов алхимиков с корпорациями строителей готических соборов. Видимо, отнюдь не случайно на одном из рисунков, которыми проиллюстрирован манускрипт Николя Валуа, хранящийся в Париже, в библиотеке Арсенала, можно увидеть строительные инструменты, которые на первый взгляд могли бы показаться здесь совершенно неуместными. Это дает нам право предположить, что во время строительства больших кафедральных соборов устанавливались реальные связи между теми или иными алхимиками и каменщиками (magons).

И тем не менее следует в этом отношении быть сдержанными. Французский автор времен Великой эпохи, сам страстно увлекавшийся герметизмом (до такой степени, что пытался заниматься деланием в лаборатории[71]), Альберт Пуассон, считал подобные контакты вполне возможными, но в статье, посвященной алхимическим памятникам Парижа, делает осторожную оговорку:

«Под алхимическими памятниками мы подразумеваем все символические сооружения в целом или отдельные их части, изначально построенные алхимиками или же получившие впоследствии герметическую интерпретацию...»

Кроме того, следует учитывать модификации и перестройки, кои претерпевали на протяжении веков кафедральные соборы и прочие культовые сооружения готической эпохи. Это особенно касается, очевидно, наиболее знаменитого из французских готических соборов, часто ассоциирующегося - с большим или меньшим основанием - с герметизмом: собора Парижской Богоматери.

Люсьен Карни[72], эрудит, особенно искушенный в этих вопросах, упорно напоминает нам о необходимости, когда изучаешь этот кафедральный собор с герметической точки зрения, принимать во внимание тот факт, что многие из его статуй были в 1860 году